

Динар Галлямов

ИДЖТИХАД И ТАКЛИД В БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

С начала возникновения ислама решение вопросов потребностей и проблем мусульманского общества и проявление усилия на основе Корана и Сунны, в широком смысле, было названо иджтихадом. Иджтихад включает в себя:

- 1) мнение (райя);
- 2) поиск доказательства (истидлаль);
- 3) понимание, представление (фикх);
- 4) вывод скрытых значений из текстов (истинбат);
- 5) суждение по аналогии (кийас).

Начавшееся с Пророка Мухаммада и продолжавшееся до IV века по хиджре движение иджтихад, начиная с этого века, было приостановлено. Эпоха таклида началась примерно в первой половине IV века по хиджре, причин тому было много. После стремительного взлета исламской культуры и всех наук в первый «золотой» век Аббасидов¹, начался спад, в том числе и в иджтихаде. Причин остановки иджтихада и распространения таклида было много, вот лишь некоторые из них:

1) Исламское государство распалось на множество мелких государств. Правители и их подданные были больше заняты наращиванием и укреплением своей силы, междоусобными войнами, а не наукой;

2) После появления в III веке по хиджре основных 4-х правовых школ – мазхабов, у каждой из них появились ярые сторонники, которые всеми путями пытались доказать правильность именно их толка и ошибочность всех остальных;

3) После того, как мусульмане оставили законодательную власть без внимания и контроль над ней был ослаблен, в законодатели устремились люди, не имевшие на то должных знаний, не способные на полноценный иджтихад. Появились противоречащие друг другу фетвы, высказывания, позволявшие запретное и проливавшие невинную кровь.

В таких условиях и было принято решение о закрытии ворот иджтихада и провозглашении таклида. Несмотря на то, что таклид был основной чертой мусульман на протяжении многих веков, вопрос таклида и возможности ве-

дения иджтихада оставался актуальным и обсуждаемым среди ученых Ислама все это время. Основоположник религиозного реформаторского движения мусульман Урало-Волжского региона Габдуннабир Курсави, будучи в Бухаре, защищал идею о том, что двери иджтихада открыты и будут открыты всегда. Говоря о том, что мусульмане «застряли в болоте таклида», и те, кто понимает религию, и те, кто не понимает ее, не спасутся от гнева Аллаха². Г. Курсави критиковал таклид, которому давал следующее определение: «Таклидом называется следование одного человека действиям или словам другого, признавая эти слова и действия правильными и истинными и не требуя на это никаких доказательств»³. Его возмущало «не требуя доказательств». Таких последователей он описывал следующим образом: «Он выучил наизусть слова муджтахидов, и не знает его доводов, поэтому, сравнивая высказывания, не может определить наиболее правильное. Знай же, что среди людей, относящих себя к знаниям, появились такие, чьи высказывания не соотносятся ни с высказываниями наших современников, ни со словами людей прошлых веков. Если собрать вместе их слова и нечестивые идеи, то может получиться отдельное религиозное учение. Особенно испугался я тех, кто, облачаясь в одежду ученых, настойчиво продолжает держаться невежества и ереси»⁴. Невежеством и ересью он называл отказ от иджтихада в решении задач, которые ставило перед мусульманами время, от поиска ответов на эти вопросы в Коране и сунне: «Некоторые думают, что времена иджтихада уже давно прошли. Они считают, что руководством для мукаллида могут служить только слова авторитетного ученого (муджтахидов)». Г. Курсави призывал к иджтихаду, по мере сил и называет его первой

обязанностью правоверного: «Знай же, прежде всего, обязательным для каждого человека является, по мере сил, вести иджтихад, пытаясь достичь правды, истины. Если кто может вести свободный иджтихад, путь занимается им, если сил достаточно лишь для ведения иджтихада в рамках мазхаба, его обязанность – вести иджтихад в рамках мазхаба»⁵.

Здесь важно заметить, что ученые Ислама, в их числе и Г. Курсави, четко определяют вопросы, в которых дозволено применять иджтихад. Вопросом, в котором ведется иджтихад, они называют любой правовой вопрос, не имеющий неоспоримого, неподдающегося сомнению решения или суждения. Следовательно, иджтихад нельзя применять в вопросах верования, догматики, правовых вопросах, рассмотренных и разъясненных в Коране и сунне, например: обязательность пятикратной молитвы, пятничной молитвы, совершения хаджа. Состояние, в котором тогда находились мусульмане, возмущало не только Г. Курсави. Многие представители религиозной мысли всего мусульманского мира высказывали свои мнения по поводу таклида и иджтихада.

Ученый Джамал ад-Дин Ас-Суюти писал: «Сегодня многие люди твердят, что свободных муджтахидов уже нет давно в помине, что давно остались только муджтахиды, ограниченные рамками фетв своего имама. Но это не так. Говорящие так не знакомы с высказываниями ученых и они не видят разницы между различными категориями муджтахидов, а разница между ними есть»⁶. В чем же была разница между муджтахидами? Улем Аз-Зухейли в своей книге пишет: «Из слов Ас-Суютийи, Ибн Салаха, Ан-Навави становится ясно, что муджтахиды могут быть пяти видов:

1) Самостоятельный муджтахид, основоположник направления (школы).

Самостоятельно извлекает правовые нормы по собственным правилам, принципам. Он работает независимо от остальных муджтахидов.

2) Свободный муджтахид. Ученый, имеющий все качества для признания его самостоятельным муджтахидом, но несмотря на это, не выводит собственных правил, а работает по правилам определенного самостоятельного муджтахида.

3) Муджтахид тахриджа. Ученый, не выведивший новых норм, однако, по причине хорошего знания своей правовой школы мог разъяснять трудно понятные высказывания авторитетных ученых своей школы (не выходил за рамки фетв муджтахидов своей правовой школы).

4) Муджтахид тарджих. Работал в рамках определенного мазхаба. Если высказывания авторитетных ученых касательно одного вопроса расходились, мог выбрать наиболее правильное (его работа ограничивалась рамками фетв муджтахидов своей правовой школы).

5) Муджтахид фетв. Ученый, занимавшийся сохранением и передачей фетв, мнений муджтахидов своей правовой школы⁷. Далее Аз-Зухейли поясняет, что термин муджтахид к трем последним категориям применен лишь иносказательно, так как они новых фетв не выводят, а лишь работают над уже существующими. Естественно, что не всякий человек мог считаться муджтахидом. По этому поводу Г. Курсави пишет: «Условием иджитихада является наличие у человека пронизательного ума от природы, он должен обладать знаниями о Коране, должен хорошо понимать тексты-слова хадисов, иметь представление об иснаде (цепочке передатчиков того или иного хадиса), хорошо знать лексические и терминологические значения слов. Он также должен знать значения и особенности передачи смысла отде-

льными словами и конструкциями. Однако необязательно обладать знаниями о Коране полностью и охватывать всю Сунну, достаточно изучать часть, связанную с правовыми нормами; также необязательно заучивать все это наизусть, достаточно всегда иметь под рукой несколько сборников достоверных хадисов, связанных с правовыми нормами, например, два сборника достоверных хадисов ал-Бухари и Муслима. Дабы не вывести фетву, противоречащую иджма (единодушному согласию) сподвижников Пророка, необходимо знать, по каким вопросам был достигнут иджма, и то не все, а лишь касающиеся решаемого вопроса. Вдобавок к этому муджтахид должен владеть приемами кыйаса (суждение по аналогии)»⁸.

По мнению мусульманского ученого аш-Шахрастани, существует пять условий для признания ученого муджтахидом, это:

1) отличное знание арабского языка, оно подобно орудью, посредством которого достигается цель. Не владеющий орудием не сможет достичь цели;

2) знание комментариев к Корану, особенно аятов, связанных с правовыми нормами; знать, как эти аяты комментировали сподвижники, важно знать, как они их понимали и, если даже ученый не будет знатоком остальной части Корана, связанной с этико-моральными аспектами, это не повредит его иджитихаду;

3) Знание хадисов, состояния текста и передатчиков (иснад);

4) Должен отличать предписанное от предпочтительного, разрешаемое от остерегаемого;

5) Должен знать, по каким вопросам сподвижники и их последователи были единого мнения. Должен владеть приемами суждения по аналогиями (кыйас).

Ар-Рафиги и ан-Навави выдвигают несколько иные условия:

1) Коран. Не обязательно быть знатоком всего Корана, достаточно изучить то, что связано с правовыми нормами. Также не обязательно знать Коран наизусть;

2) Знать сунну Пророка Мухаммада (с.г.с.), не всю, а лишь связанную с правовыми нормами;

3) Знать, по каким вопросам ученые из числа сподвижников были одного мнения, а по каким расходились;

4) Владеть приемами суждения по аналогиям (кыйас);

5) Знание арабского языка.

Мухаммад аль-Газали к этим условиям добавляет, что не обязательно заучивать хадисы наизусть, достаточно иметь под рукой сборник хадисов, касающихся правовых норм, зная расположение глав в сборнике, при необходимости отыскав их, уже работать с ними. Также аль-Газали считает необязательным знать все вопросы, по которым сподвижники были единого мнения, достаточно было знать касающиеся решаемого вопроса. Наличие этих знаний необходимо для признания ученого свободным муджтахидом, действующим во всех областях исламского права, однако он не отрицал возможность некоторых ученых специализироваться на решении вопросов отдельных разделов права, достигая степени муджтахида в этой сфере, и оставаться мукаллидом в остальных разделах.

Как видно из сравнения, мнение Г. Курсави полностью совпадает с мнениями признанных ученых по основам фикха. Некоторым может показаться, что Г. Курсави призывал к отказу от мазхабов, к выведению собственного мазхаба. Но это не так. «Ученые ханафиты считают обязательным придерживаться принципов иджтихада и истинбата, выведенных Абу Ханифой, и это по причине его

наибольшей осторожности в суждениях... Тем не менее они не считают обязательным руководствоваться фетвами Абу Ханифы, более того, они не считают позволительным использовать мнение Абу Ханифы в выведение фетв, если не известно, на что он опирался в своем суждении. Таким образом, мазхаб (основной принцип), которого они все придерживались, это то, что никому не дозволено давать фетву (заключение), опираясь на доказательство, источник которого неизвестен»⁹.

Последователь Г. Курсави, великий улем и богослов Ш. Марджани полагал, что закрытие дверей иджтихада означает ограничение власти Аллаха временем и расстоянием¹⁰. Поэтому он отстаивал точку зрения, что кроме крайней необходимости подражание авторитетам (таклид) незаконно, каждому мусульманину нужен иджтихад по его силам. Ш. Марджани, говоря о том, что двери иджтихада никогда не закроются, высказывался также о компетентности муджтахидов в случае закрытия дверей иджтихада. Ш. Марджани говорит о большой вреде, наносимом мусульманам такими наиболее распространенными ошибками в исламском мире, как утверждение о безгрешности людей и обязательное принятие внушаемых книг. Ш. Марджани не воспринимает систему взглядов, утверждающих, что миссией муджтахидов был иджтихад и обращение к аргументам. По мнению, Ш. Марджани, первые муджтахиды (Абу Ханифа, Абу Йусуф, Имам Мухаммад ибн Шайбани, Имам Зуфар, Имам Малик, Имам Шафии, Имам Ибн Ханбал) отрицали таклид без крайней необходимости. Ш. Марджани говорит, что имамы при достижении новых доказательств находятся в новом иджтихаде, а некоторые ученые-последователи занимаются новым иджтихадом. Поэтому Ш. Марджани, изучавший классифика-

цию хадисов и проблему их отмены, высказывается, что хадисы в период вышеназванных муджтахидов были классифицированы, но не исследованы, поэтому невозможно говорить, что двери иджтихада закрыты. По его мнению, ни один имам не принимает хадис в более низкой степени, чем фетва закона. Ш. Марджани выражает свое согласие с тем, что отмененных хадисов немного и возможность последующей отмены не принесет вреда предыдущему решению, однако после четкого упразднения не следует использовать уже отмененное. Ш. Марджани выдвигает идею бесполезности таклида в каждом вопросе, даже если ты не муджтахид и что некоторые вопросы ясны из аятов и хадисов и без таклида¹¹.

В начале XX столетия проблема реформы Ислама и степени охвата сферы религиозных отношений и общественной жизни теснейшим образом была связана с трактовкой понятия «иджтихад» и поэтому не сходила со страниц мусульманской периодической печати. Будущий муфтий Центрального Духовного Управления мусульман, богослов, редактор дореволюционной «Шуро» Риззатдин Фахретдин, подчеркивая наличие различных подходов к данной проблеме, обратил внимание, что: «Кое-кто говорит: «Врата иджтихада уже закрылись, следовательно, в дальнейшем муджтахидов быть не может. Некоторые заявляют: «Современные мусульмане должны следовать одному из четырех известных мазхабов» Есть и такие, которые говорят: «Подчинение одному из четырех мазхабов является подчинением самому Посланнику Аллаха (с.г.с). Есть и такие, которые считают людей, занимающихся Кораном и хадисами, и тех, кто провозглашает, что «врата иджтихада не закрыты», – сумасшедшими, безбожниками и еретиками»¹². Показывая богослов-

скую несостоятельность отрицания иджтихада, он подчеркивает: «Поразительно, но после четвертого века хиджры (X век по Григорианскому календарю – Д.Г.) в мире ислама стали считать, что невозможно появление из среды выпускников юридических факультетов исламских университетов ученых, подобных великим мудрецам древности. Когда до мусульман было доведено божественное откровение (вахий), что Посланник Аллаха (мир ему) является «Печатью пророков», то это положение стало одним из обязательных пунктов исламской веры. Но в Коране и Хадисах нет ни одного положения, которое гласило бы, что он является «Печатью муджтахидов». И каким образом можно обосновать необходимость веры в то, что после четвертого века хиджры не будет муджтахидов, зная, что божественного откровения с таким значением ниспослано не было?»¹³. Поэтому Р. Фахретдин считает, что «бесмысленен диспут мусульман о проблеме допустимости или запрещенности иджтихада», поскольку «под влиянием убеждения, что «иджтихад прекратился» в мире ислама умерли свободомыслие и гласность. Все, что бы ни делалось после этого правильного или ошибочного - все это стало выражаться только лишь в сохранении архаичности и беспрестанного повторения древних догм. Религия ислама, низведенная для улучшения положения человечества и предостерегающая постоянное обновление и реформирование, не имеет никакого отношения к традиции сохранения древностей»¹⁴. Р. Фахретдин, подчеркивая быстрое изменение жизни общества и бесконечности событий, говорит, что право также должно идти в ногу с этим и очень хорошо знающие об этом первые муджтахиды понимали, что их иджтихада будет недостаточно не то что последующим поколениям,

но даже их современникам. Рассматривающий данный вопрос и с точки зрения смены решений, Р. Фахретдин отстаивает мнение, что вместе с непостоянством законов, опирающихся на них, то есть в зависимости от времени и места, с условием опоры на аяты и хадисы, изменение возможно. По его мнению, единственно, что не подлежит изменению, это правило: «Со временем изменяются и решения» и первые муджтахиды с этой точки зрения, выполняя свой долг, решали проблемы общества. Р. Фахретдин высказывает мнение, что народы, географическое положение, климат вынуждали людей совершать различный иджтихад. Он выдвигает это мнение в качестве одного из основных аргументов в дискуссии о том, что двери иджтихада не закроются¹⁵. Р. Фахретдин разделяет мнение Ш. Марджани о том, что возможность допущения ошибки в иджтихаде велика, но не следует этого бояться. Р. Фахретдин придерживался мнения: «Один человек может быть и муджтахидом, и мукаллидом». Р. Фахретдин утверждает: «Даже отмененные хадисы намного достовернее, чем не упраздненные слова муджтахидов. Законность действия по отмененному хадису со знанием его отменяющего известна улемам». По его мнению, имеющаяся в хадисах классификация, как отмененный (мансух), истолкованный (муаввал) и обусловленный (мукайд) присутствуют и в словах первых муджтахидов. Р. Фахретдин считает, что каждый, кто знает арабский язык, может оперировать непосредственно Кораном, в отношении необходимых ему действий, хадисами, ясно объясняющими все вопросы, и для этого не нужно быть муджтахидом.

Габдулла Буби, муддарис новометодного медресе «Иж-Буби», автор книги «Прошло ли время иджтихада?», практически придерживаясь той же пози-

ций, что и Р. Фахретдин, считает, что отказ от иджтихада ведет к усилению невежества и фанатизма, несущим обществу неисчислимы бедствия¹⁶, которые способствуют распространению таклида как образа мышления, как метод познания окружающего мира: «кто бы мог представить, что Ислам, основа которого состоит из разума и мышления и в каждом своем постановлении обращающийся к разуму и мышлению, от свободы иджтихада будет брошен в подчинение таклиду и, полностью разрушив Коран и Сунну, на их место будут поставлены слова отдельных людей?»¹⁷. Поэтому для Г. Буби таклид – неприемлемый для Ислама метод, поскольку им нарушается принцип обращения Всевышнего к человеческому разуму и мышлению: «бездумный таклид – дело кяфилов/ неверующих, человек, не знающий свою религию с доказательствами и принявший ее простым признанием, не является правоверным»¹⁸. Только при условии реализации принципа иджтихада – главного стимула общественного развития прогресса и только: «Тогда мы сможем призывать к исламу цивилизованные нации. Если же мы скажем им сегодня: «Вот наш Шариат, он таков – составление его уже завершено муджтахидами, и поскольку времена понимания Корана и Сунны уже прошли, то вы их понять не сможете. Поэтому вы должны принять слова факихов, даже если они противоречат Корану и хадисам. Действуете согласно им, невзирая на то, соответствуют ли они интересам времени или нет. Вот, мусульманство ваше состоит в этом, а все, что противоречит этому – заблуждение», то появится ли у них симпатия к Исламу?»¹⁹.

Г. Буби говорит, что закрытие дверей иджтихада отрицает умственное развитие. По его мнению, ислам обращается к разуму и человеческой мысли, требует опираться на Коран и

Сунну, а не на слова того или иного человека. По мнению Г.Буби: «Говорить, что ислам – мировая религия, совершенно противоречит одновременно с этим утверждению, что двери иджтихада закрыты и уже невозможно понять Коран и Сунну спустя столько веков. Косвенно верно и то, что сподвижники Пророка Мухаммада и первые муджтахиды ничего не говорили о закрытии дверей иджтихада после себя, и вместе с разногласиями между собой по поводу иджтихада в одной правовой школе были и отличия во взглядах. Например, разногласий между Абу Ханифой и его учениками намного больше, чем между ним и имамами Шафия»²⁰. В таком случае, считает Г. Буби, основным мерилом является Коран и Сунна, если слова факихов и муджтахидов соответствуют им, то они должны быть приняты, в противном случае – отвергнуты. Г. Буби указывает, что таклид исходит из самой природы человека и в период детства очень полезен, однако с взрослением человека начинает приносить только вред. Г. Буби вспоминает о предостережении Аллаха, упоминаемой в Коране в суре «Бакара», и настаивает на отказе от «соответствия с дорогой отцов»²¹.

По мнению знаменитого улема Мусы Бигиева, таклид стал одной из крупнейших причин упадка мусульманства. В истории Ислама не было ничего подобного по своим последствиям, чем последствия от таклида. Муса Бигиев различал два вида таклида:

1) следование собственной традиции,

2) следование, или подражание Западу (М. Бигиев называет его «неотаклид»).

Конечно, следует помнить, что неотаклид – болезнь, возникшая на мусульманском Востоке в колониальный период его истории. Но он является прямым следствием традицион-

го таклида: «Прежний таклид, возложенный силой религии, стал нашей привычкой, свойством, поэтому неотаклид легко проник и завоевал нашу мысль и души»²². М. Бигиев пишет, что болезнь таклида привела разум и сердца мусульман в состояние полного застоя. Только таклид превратил Ислам из религии практического действия в религию голых догм. «Придавая нашей мысли слепоту, эта болезнь таклида осложнила наше общественное состояние и, в итоге, отвлекла наше внимание от чудесного Шариата»²³. Все политические и социальные проблемы, с которыми позже столкнулось мусульманское общество, проистекают из него. Еще одним последствием таклида является отсталость, косность и застойность, царящая в мусульманской системе образования. М. Бигиев, критикуя ее, пишет о «крайне порочных» медресе и минбарах. Он был убежден в том, что туркестанские и индостанские, арабские и турецкие медресе не дают шакирдам ничего кроме толкований к грамматике, синтаксису, логике, каламу и фикху, подвергая разрушению разум учащихся. Кафедры проповедников, которые наряду с медресе должны были придавать силу разуму, волю сердцам, доносить до людей религию, мораль и слово Корана, стали использоваться для затуманивания и обмана исламской уммы. В результате ложного знания, распространявшегося из этих двух святых храмов веры – медресе и минбаров – мусульмане потеряли как веру, так и мирское процветание. Подчеркивая отрицательную роль таклида в истории Ислама, Муса Бигиев обратил внимание, что в начале XX века формируется новый тип таклида: «Если традиционный таклид представлял собой жертвование Шариатом путем преклонения перед священностью мазхабов, то современный таклид стал отказом от Ислама и принесением в жертву мусуль-

манской уммы на фоне собственного самоуничтожения, возникшего из-за очарования величием западной цивилизаций и ее политическими достижениями. Мы, не следуя тому ценному, что есть на Западе, последовали всему бесполезному, что в нем имеется. Не понимая ничего из нового, мы, тем не менее, растеряли все самое святое, что у нас было ранее»²⁴. В этой связи М. Бигиева беспокоит то, что новый таклид постепенно превращается в методологический принцип осмысления всей истории мусульманских народов: «Страсть к новому таклиду не ограничивалась лишь нашим общественным состоянием. Мы стали подражать западной мысли и своим мышлением и своей историей. Мы придали истории Ислама тот же вид, какой имела история христианства. Так в мире Ислама возникли идеи религиозной реформации. В головах некоторых наших мыслителей возникли мысли о реформации по западному образцу. Они словно хотели, чтобы и Ислам не был бы лишен чести иметь свое движение, подобное движению М. Лютера. Некоторые турецкие писатели стали считать Ислам чем-то подобным протестантизму, возникшему в христианском мире, и провозгласили... пророка Мухаммада... реформатором, подобным Мартину Лютеру. Таким образом, получалось, что самое важное в Исламе – это его протестантская сущность! Получалось, что главное достоинство Великого Законодателя в том, что он был подобен Лютеру!»²⁵. Чтобы выйти из этого состояния считает Муса Бигиев «необходимо свободомыслие и священный статус Ислама»²⁶. Среди всех форм проявления таклида М. Бигиев особо выделяет следование какой-либо богословско-правовой школе – мазхабу. «По моему мнению, учение такой священной религии, как Ислам, никаким образом не может быть ограничено узкими рамками...

мазхабов. Ограничение ислама такими тесными границами, несомненно, является недостатком. В этом вопросе я, конечно же, отвергаю мазхабы»²⁷. Его не устраивала абсолютизация учения отдельного мазхаба, которая в свою очередь приводила к противостоянию представителей различных мазхабов и, в конечном счете, к расколу в мусульманской умме: «Ислам никогда не терпел убытка от разногласий. Все беды, обрушившиеся на него, происходили от призывов к объединению в рамках одного мазхаба, к единомыслию»²⁸. Поэтому его критика была направлена не против самих мазхабов, тем более их основоположников, а против современной их трактовки. Возникновение мазхабов он рассматривает как естественный процесс в развитии мусульманского права. Он считает, что основанные первыми имамами мазхабы ставили целью «показать каждому члену уммы пути применения Корана и Сунны Пророка во всех ситуациях соответственно времени и целесообразности... Это... большое наследство, оставленное нам непорочными предками... в качестве образца»²⁹. Муса Бигиев говорит о том, что уважение к первым муджтахидам не означает скопирования мыслей их последователей, отмечает, что необходимое по Шариату подражание одной или несколькими школами будет означать отмену Корана, а ограничение Ислама взглядами лишь нескольких муджтахидов или одного мазхаба будет означать: «опускание знания правильного пути до уровня знания одного – двух муджтахидов»³⁰. Он отстаивает мнение, что необходимо решать новые проблемы, возникающие на повестке дня, а для этого следует обращаться не к книгам мусульманского кодекса, а непосредственно к Корану и Сунне.

Ректор уфимского медресе «Галия-Диния» Зия Камали, по своим богословским взглядам считавшийся од-

ним из самых радикально мыслящих, по данному вопросу практически придерживался такой же позиций, что и М. Бигиев. При этом он подчеркивал, что отдает предпочтение ханафитскому мазхабу, основатель которого Абу Ханифа доводил до последующих поколений правоверное мусульманское учение, исходящее от самого пророка Мухаммада³¹. Г. Буби также обратил внимание, что возникновение мазхабов означало свободу мысли и слова: «Между сподвижниками Пророка и великими имамами возникали разногласия по вопросам иджтихада, но ни один из них не обвинял другого в неверии и заблуждении и не считал его врагом»³². Но постепенно люди стали слепо подражать высказываниям древних, хотя и авторитетных факихов, не утруждая себя достоверными доказательствами их правоты «из-за того, что каждая группа придерживалась руководства только одного имама, усилился фанатизм в мазхабах... эти разногласия стали...проклятием народов ислама»³³. Р. Фахретдин также высказался по этому вопросу. Он доказывал, что возникновение мазхабов является проявлением обновленческой сущности ислама, иначе: «не могли бы появляться такие великие деятели, как Имам Малик и Имам Шафии, Суфийан ас-Сури... и, тем более, сложиться правовые школы – мазхабы, как, например, мазхаб Имама Абу Ханифы, являющегося совершенным образцом воплощения свободомыслия»³⁴. В дальнейшем, следуя одному из четырех мазхабов, необходимо: «как можно плотнее и усерднее следовать за Кораном и Сунной. Ибо каждый из основоположников известных

четырех мазхабов запрещал следовать за собой, пока ищущий сам не находил и не узнавал доказательства. Это требование хорошо выражено в знаменитых словах Абу Ханифы: «Запрещено кому бы то ни было, кто не знает моего доказательства, выносить постановления – фетвы, ссылаясь на мои слова»³⁵. Р. Фахретдин считает, что нет причин для абсолютизации мазхабов и по другой причине, поскольку «когда речь идет о мазхабах, то следует знать, что основателями их не являются Абу Ханифа и Шафии, Малик и Ибн Ханбаль. Упомянутые мазхабы основаны другими людьми спустя много времени после смерти названных мыслителей. Поэтому они не совсем бы согласились с тем, что к их именам привязываются такие мазхабы, что очень часто их именами спекулируют или прикрываются ими»³⁶.

Мусульманские ученые, в целом, отстаивали мнение, что двери иджтихада открыты и необходимо готовить своих муджтахидов в каждом историческом периоде. Улемы, старающиеся предотвратить религиозный фанатизм, утверждали, что слова «иджтихад исчез» отравляют мусульманского общество. Среди реформаторов рубежа XIX-XX вв., были и те, кто считал тремя великими муджтахидами российских мусульман Г. Курсави, Ш. Марджани и М. Бигиева³⁷. К этому списку я хотел бы добавить еще одного человека, который, несомненно, достоин, быть назван муджтахидом российских мусульман современного периода – Ризаэтдина ибн Фахретдина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аббасиды – династия мусульманских халифов Багдадского халифата (750-1258гг.). Основатель династии Абу аль-Габбас, внук дяди Пророка Мухаммада (с.г.с.) – Абу аль Фазыл Габбаса аль Хашими. Династия пресеклась после монголо-татарского завоевания в 1258 году. Последний халиф Мустаксим был казнен внуком Чингисхана – Хулагу.
2. Курсави Г. «Аль-Иршад аль-гыйбадат/ Наставление рабам Аллаха». – Казань, 1999. – С. 7.
3. Там же. – С. 8.
4. Курсави Г. Наставление рабам Аллаха... – С. 9.
5. Там же. – С. 12.
6. Джамал ад-дин Ас-Суютый. «Тафсир аль-иджтихад аль-мактабат (Совершенство в коранических науках). – Мекка, 1982. – С. 68.
7. Аль – Зухейли. «Усуль аль-фикх аль- ислами/Основы исламского фикха». – Дамаск, 1998. – С. 24.
8. Курсави Г. «Наставление рабам Аллаха.... – С. 26.
9. Курсави Г. Наставление рабам Аллаха. – С. 26.
10. Утаки Х. «Мой ответ Ш. Марджани» // Шуру – 1911 – № 23. – С. 714-716.
11. Марджани Ш. «Муккадима». – Казань, 1897. – С. 20-30.
12. Фахретдин Р. «Дини вэ иджтимагый мэсэлэлэр/ Религиозные и общественные вопросы». – Оренбург, 1914. – С. 72.
13. Фахретдин Р. Религиозные и общественные вопросы... – С. 90.
14. Там же. – С. 91.
15. Фахретдин Р. «Религиозная беседа» // «Новый век». – Оренбург, 1906. – С. 372-379.
16. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?» - Казань, 1909. – С. 10.
17. Там же. – С. 22.
18. Там же. – С. 23.
19. Буби Г. Прошло ли время иджтихада? – С. 64.
20. Там же. – С. 65
21. «В день воздаяния те, кто вел за собою других, кто был примером для других в неверии и неповиновении, отделятся от тех, кто следовал за ними, и скажут им: «Мы не призывали вас следовать за нами по грешному пути. Это было ваше желание и неразумное поведение» /Коран. Сура «Бакара/Корова, аят 166; «Те, которые не идут прямым путем, привыкли следовать за тем, за чем шли их отцы. И тогда призывают из следовать за тем., что ниспослано Аллахом, они отвечают: «Нет, мы не откажемся от того, на чём застали наших отцов». Предпочтение «пути отцов» прямому пути, указанному Аллахом, – это большой грех. Неужели и тогда, когда их отцы лишены были разума и не шли по прямому пути?» /Сура «Бакара», аят 170.
22. Бигиев М. «Моя обязанность» // «Ил». – 22 октября, 1913. – № 3. – С. 34.
23. Там же. – С. 35.
24. Бигиев М. Моя обязанность.... – С. 35.
25. Там же. – С. 36.
26. Там же. – С. 37.
27. Бигиев М. Несколько вопросов вниманию народа. – Казань, 1912. – С. 16.
28. Бигиев М. Небольшие размышления по большим вопросам. – Казань, 1914. – С. 48.
29. Бигиев М. Моя обязанность... – С. 48.
30. Бигиев М. «Каваид-и – фикхия/Основы мусульманского законодательства». – Казань, 1910. – С. 184-185.
31. Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правдивности в исламе // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С. 67.
32. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?». – Казань, 1909. – С. 15.
33. Там же. – С. 16.
34. Фахретдин Р. «Религиозные и общественные вопросы» – Оренбург, 1914. – С. 73-74.
35. Там же. – 94.
36. Там же. – 95.
37. А.Г. Симбири «Современные вопросы» // «Шуро». – 1913. – № 9. – С. 263 – 264..

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

1. Бигиев М. «Мой долг» // «Ил». – 1913.
2. Бигиев М. Небольшие размышления по большим вопросам. – Казань, 1914.
3. Бигиев М. Несколько вопросов вниманию народа. – Казань, 1912.
4. Бигиев М. Основы исламского законодательства. – Казань, 1910.
5. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?» – Казань, 1909.
6. Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правочности в исламе // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994.
7. Курсави Г. «аль-Иршад лил Гыйбадат (Наставление рабам Аллаха)». – Казань, 1999.
8. Мараши И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850-1917). – Казань, 2005.
9. Марджани Ш. «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахляф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). Мукаддима». – Казань, 1999.
10. Мухаметшин Р. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. – Казань, 2000.
11. Симбири А.Г. «Современные вопросы» // Шура. – 1913. – № 9.
12. Утяки Х. Мой ответ Ш. Марджани // Шура. – 1911. – № 23. – С. 714-716.
13. Фахретдин Р. «Религиозные беседы» // Новый век. – Оренбург, 1906. – С. 372-379.
14. Фахретдин Р. «Религиозные и общественные вопросы». – Оренбург, 1914.
15. Хабутдинов А.Ю. Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань, 1999.
16. Юзеев А. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. – Казань, 1998.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме соотношения иджтихада и тақлида в теории и практике современных мусульман в целом и в частности тому комплексному осмыслению, которое получила эта проблема в трудах мусульманских богословов дореволюционной России (Г. Курсави, Ш. Марджани, Р. Фахретдин, М. Бигиев и др.).

DINAR GALLYAMOV

IJTIHAD AND TAQLID IN THEOLOGICAL THOUGHT OF RUSSIAN MUSLIMS

SUMMARY

The paper deals with the problem of correlation between Ijtihad and Taqlid in theory and practice of modern Muslims in general and with integrated comprehension of this problem in works of Muslim scholars of pre-Revolutionary Russia (G. Kursavi, Sh. Marjani, R. Fakhretdin, M. Bigiyev etc.).

Ключевые слова: иджтихад, тақлид, фикх, Г. Курсави, Ш. Марджани, Р. Фахретдин, М. Бигиев.

Keywords: Ijtihad, Taqlid, Fiqh, G. Kursavi, Sh. Marjani, R. Fakhretdin, M. Bigiyev.

Галлямов Динар Фатихович (Уфа, Россия) – аспирант исторического факультета Башкирского государственного университета (БашГУ).